

УДК 94(437+470)«1918/1920»

К ВОПРОСУ О МОРАЛЬНОМ РАЗЛОЖЕНИИ (СОСТОЯНИИ) ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Д.В. Салдугеев

Показано участие Чехословацкого корпуса в военных действиях в годы Первой мировой и Гражданской войн в России. Определены причины снижения боеспособности и ухудшения морального состояния военнослужащих Корпуса. Изложены меры, которые предпринимались с целью поднять боеспособность и боевой дух солдат и офицеров Чехословацкого корпуса. Установлено, что Чехословацкое войско в России в целом сохранило боеспособность до эвакуации в Чехословакию.

Ключевые слова: Чехословацкий корпус, Первая мировая война, Гражданская война, моральное состояние, дезертирство.

С началом Первой мировой войны среди чехословаков оживились попытки добиться национальной независимости. Значительное их число, проживающее в пределах Российской империи, было готово с оружием в руках сражаться за свободу своей родины. Почин в создании воинских частей из представителей славянских народов Австро-Венгрии принадлежал «Чешскому национальному комитету» (ЧНК) – организации чехоколонистов в Российской империи. Уже 25 июля 1914 г., в день официального объявления войны, ЧНК принял обращение к императору Николаю II, в котором отмечалось, что «на русских чехов падает обязанность отдать свои силы на освобождение нашей родины и быть бок о бок с русскими братьями-богатырями...». 7 сентября во время аудиенции у царя чешская делегация вручила ему меморандум, в котором подчеркивалось, что «свободная и независимая корона Святого Вацлава скоро будет сиять в лучах короны Романовых...» [1]. Тем самым основатели будущего Чехословацкого корпуса с начала войны активно подчеркивали свою готовность не только к борьбе с немцами в составе Российской армии, но и возможность включения освобожденной Чехии в состав Российской империи.

Поддерживая инициативу чехов, Совет министров 30 июля 1914 г. принял решение о формировании Чехословацкой дружины. 28 сентября в Киеве состоялось торжественное освящение ее знамени, и уже в октябре она выступила на фронт, где в составе 3-й армии генерала Радко-Дмитриева участвовала в знаменитой Галицийской битве. Верховный главнокомандующий российской армии великий князь Николай Николаевич разрешил принимать в ряды дружины военнопленных чехов и словаков. В результате к концу 1915 г. она была развернута в Первый чехословацкий стрелковый

полк имени Яна Гуса. К концу 1916 г. полк был развернут в бригаду, и командование Юго-Западного фронта всерьез рассчитывало на скорое формирование нескольких дивизий, а затем и отдельного корпуса [2].

В феврале 1917 г. в России произошла революция, в результате которой к власти в стране пришло Временное правительство. Это обстоятельство несколько ускорило создание Чехословацкого корпуса. Также формированию чехословацкого воинского подразделения способствовали и успешные действия чехословаков на фронте. В июне 1917 г. началось наступление Юго-Западного фронта, которое вскоре неудачно завершилось, и русская армия перешла к обороне. В этой обстановке чехословацкая бригада, насчитывавшая вместе со вспомогательными подразделениями около 3580 бойцов, под Зборовым стойко отражала атаки немецких и австрийских войск. Сверх того, 19 июня, она, получив приказ произвести на своем участке отвлекающий контрудар, прорвала оборону противника. За успешные действия полки бригады получили почетные наименования «Полки 18 июня» и георгиевские ленты на свои знамена [3].

Вскоре после этого Верховное командование российской армии по достоинству оценило боевую мощь чехословацких частей. Так, генерал А.А. Брусилов сообщил председателю ЧНС (Чехословацкий Национальный Совет) Т.Г. Масарику, что среди наступающих частей «особенно отличилась чешско-словацкая бригада, единодушным порывом смявшая коварного врага и покрывшая себя неувядаемой славой» [4].

К сентябрю 1917 г. численность чехословацких вооруженных формирований составила более 15 тыс. человек. 26 сентября начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Духонин дал разрешение на формирование Чехословацкого корпуса, в который вошли 1-я, 2-я стрелковые дивизии и запасная стрелковая бригада. Во всех частях корпуса вводился французский военный дисциплинарный устав и устанавливался русский «командный язык» [5].

После Октябрьской революции к власти в стране пришла партия большевиков, которые заявили о выходе России из войны. В сложившейся обстановке ЧНС согласовал с французским правительством решение о признании Чехословацкого войска в России частью французской армии. С 15 января 1918 г. корпус был официально объявлен подразделением французских войск. Командование Чехословацкого корпуса получило приказ французского Генерального штаба об эвакуации на Западный фронт по Транссибирской магистрали до Владивостока и далее в Европу [6]. Но организованной эвакуации препятствовало наступление наступавших на Восток немецких и австрийских войск, которые буквально преследовали чехословаков, находившихся на территории Украины. Ведя арьергардные бои, чехословацкие войска отступили к железнодорожному узлу Бахмач. После сражения за Бахмач Чехословацкий корпус «вышел из линии боев и

окончательно уходит во Владивосток», об этом в телеграмме 18 февраля 1918 г. извещал СНК (Совет народных комиссаров) РСФСР начальник военных сообщений Украинской республики С.С. Бакинский [7].

Советское правительство было обеспокоено проблемой наличия оружия у частей корпуса. 26 марта 1918 г. в Пензе между представителем Совета народных комиссаров Сталиным и представителями Чехословацкого корпуса было подписано соглашение, по которому гарантировалась беспрепятственная отправка чешских подразделений от Пензы к Владивостоку, при этом чехословаки обязались сдать большую часть вооружений. Но переброска более чем 40 тысячного воинского подразделения оказалась непростой задачей. Невысокие темпы движения эшелонов вызывали недовольство чехословаков.

14 мая 1918 г. в Челябинске произошел инцидент, в ходе которого чехословацкие части выступили против советской власти. Несмотря на то, что инцидент был исчерпан, Москва увидела в нём прямую опасность своей власти, и стала настаивать на более решительных действиях. 25 мая, в 23 часа из Москвы последовал категоричный приказ Л.Д. Троцкого за № 377, по которому все Советы от Пензы до Омска были обязаны немедленно разоружить чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден вооружённым на железной дороге, должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооружённый, должен быть выгружен из вагонов и заключен в лагерь для военнопленных [8]. В ответ части Корпуса, растянувшиеся в своих эшелонах от Волги до Дальнего Востока, защищаясь, вынуждены были выступить против советской власти [9].

Первое боевое столкновение между чехословацкими частями и отрядами Красной гвардии произошло 25 мая у ст. Марьяновка, под Омском, взять город с хода чехословакам не удалось, и на некоторое время стороны заключили перемирие. 26 мая в Иркутске и 27 мая в Златоусте также произошли столкновения легионеров с частями Красной гвардии. Общую координацию действий чехословацкого корпуса с 23 мая принял на себя «Временный исполнительный комитет съезда чехословацкого войска». Этот чрезвычайный орган немедленно разослал всем поездом и частям корпуса приказ: «Оружия нигде советам не сдавать, самим столкновений не вызывать, но в случае нападения защищаться, продвижение на восток продолжать собственным порядком».

На заседаниях комитета в г. Челябинске были определены и основные задачи подразделений: соединиться друг с другом и мощной компактной группой пробить себе путь на западный фронт, «оседлать» Транссиб от Урала до Приморья. Пензенская группа стала продвигаться к Уралу. Стремительно действовала Челябинская группа подполковника С.Н. Войцеховского и поручика Я. Сыровы (около 9 тыс. бойцов). 27 мая она, воспользо-

вавшись беспечностью красноармейцев, заняла Челябинск, при этом в руки чехословаков попал артиллерийский склад. С конца мая по начало июня ими были захвачены Петропавловск, Миасский завод и Курган. 8 июня группой поручика Я. Сыровы был взят Омск. 9 июня его отряд соединился с подошедшими от Новониколаевска и Мариинска небольшими (около 3 тыс. человек) группами капитана Гайды и капитана Кадлеца. В сентябре войска Гайды соединились с частями Забайкальской группировки генерала Дитерихса. Таким образом, за короткий срок Советская власть была свергнута во всех населённых пунктах вдоль Транссибирской магистрали.

После первоначальных военных успехов последовали неудачи. В сентябре 1918 г. Волжский фронт, на котором сражались чехословацкие части, потерпел поражение. Части Красной Армии вступили в Казань, Симбирск и Самару. Неудачи на фронте привели к брожению в Корпусе и появлению первых перебежчиков.

В начале сентября по инициативе чехословацких коммунистов Реввоенсоветом Восточного фронта и затем Народным комиссариатом по военным делам были изданы специальные приказы, в которых отмечался факт «начавшегося массового перехода неприятельских солдат на сторону советских войск» и строжайше запрещался самосуд; за самочинные расправы над пленными предусматривалась самая суровая ответственность [10]. О начавшемся дезертирстве свидетельствуют и чехословацкие документы. Уже на следующий день после падения Казани (10 сентября 1918 г.) отказался выгружаться с судна и идти на фронт взвод 1-го полка, требуя отправки в тыл. 29 сентября 4-й полк не выполнил приказ о занятии позиций, самовольно брошенных 10-м полком под Мелекесом. В этот же день солдаты 3-го батальона 2-го полка в резолюции, переданной комиссару дивизии, категорически потребовали отвода в тыл, заявив, что не желают сражаться «за какой-то «славянский романтизм» или ради благополучия одиночек». 30 сентября 6-я рота 2-го полка, захватив пулеметы, самовольно погрузилась на судно и отправилась в тыл, покинув позицию под Жигулями [11].

На боеспособность чешских частей в этот период времени повлияло несколько обстоятельств. Прежде всего, революция в Австро-Венгрии привела к её распаду и образованию независимой Чехословацкой республики. По этой причине части чехословацкого корпуса становились частями национальной армии Чехословакии. Это означало, что чешские части добились своей цели – независимости своей Родины. Ещё одно обстоятельство резко снизило боевой дух чешской армии. 18 ноября в Омске произошел переворот, в результате которого власть демократической Уфимской директории была ликвидирована, а во главе белого движения на востоке России стал адмирал Александр Колчак. Это событие было встречено чехословаками достаточно «прохладно». Вот как описывал отношение чехо-

словаков к правительству Колчака Джон Уорд: «Чехи только что отпраздновали начало своего национального республиканского правительства и были естественно охвачены обычными делами в духе свободы, равенства и братства; поэтому нельзя было ожидать, чтобы они отнеслись с равнодушием к установлению диктатуры. Враждебная позиция, с которой встретила русская фракция Чешского национального совета в Екатеринбурге и Челябинске принятие Колчаком верховной власти, является лучшим доказательством этого» [12].

К концу ноября 1918 г. настроение рядового состава чехословацкой армии было на стадии полной деморализации. Обещанная союзниками помощь выражалась только в материальной поддержке и присылке незначительных воинских контингентов, находившихся глубоко в тылу. Но более серьезным фактором, отрицательно повлиявшим на боевой дух легионеров, стало сообщение о подписании перемирия и прекращения военных действий в Европе и провозглашении независимости Чехословакии. В результате чего все основные аргументы чехословацкого командования для удержания Корпуса в России были исчерпаны. Это привело к усилению брожения среди солдатской массы. Следствием этого стали все учащавшиеся случаи неповиновения чехословацких частей, вплоть до отказа отдельных подразделений отправляться на фронт. Так, воспротивились отправке в окопы солдаты 7-го полка на станции Унь, 5 и 8-го полков в Кунгуре.

Описывая сложившуюся на фронте обстановку, генерал Я. Сыровы писал в донесении военному министру Чехословацкой Республики М.Р. Штефанику, что «физические, а главное моральные силы солдат полностью исчерпаны», они уже не верят в приход союзников, обвиняют политическое и военное руководство, доверие к которому подорвано. С фронта из-за отказа воевать отозваны 4 и 9 полки и в ближайшее время будут отведены в тыл 1 и 2-й. Солдаты так устали, обессилены, упали духом, что «дисциплина полностью пала и парни поддаются дезорганизующим и провокационным воздействиям». При этом Я. Сыровы привел ряд мероприятий, которые должны были улучшить ситуацию в чехословацких частях. «Отвод всех частей в тыл, укрепление там дисциплины и организации. Обнаружение и устранение провокаторов и злостных агитаторов – это единственное средство, которое предохранит наши войска от полного разложения» [13]. Но предпринятые репрессивные методы в отношении дезертиров и провокаторов желаемых результатов не давали.

Во второй половине января 1919 г. генерал М.Р. Штефаник пришел к выводу о том, что держать части на фронте и заставлять сражаться впредь не представляется возможным. По соглашению с А.В. Колчаком и союзниками он приказал стянуть все чехословацкие части в тыл и готовить их к отправке в Чехословакию. При этом он согласился с просьбой адмирала

Колчака, чтобы до момента окончательной отправки домой чехословаки взяли на себя обязательства по охране железных дорог в Сибири и тыла колчаковской армии. Уход чехословацких частей с фронта не означал прекращение для них боевых действий. Многочисленные партизанские отряды, действовавшие вдоль железной дороги, вынуждали чехословаков по-прежнему вести боевые действия, прибегая к крайним мерам, которые восстанавливали местное население против них.

К примеру, начальник охраны железнодорожного участка Новониколаевск-Ачинск, полковник Р. Крейчи в своем приказе обязал должностных лиц волостного и сельского управления составлять списки заложников по числу деревень и сел в данной волости и содержать этих заложников под стражей. «В случае крушения поездов и нападения на служащих и караулы – подлежат выдаче карательному отряду и если в течение трёх дней не будут выяснены и выданы виновники, то в первый раз заложники расстреливаются через одного, дома лиц, ушедших с бандами, невзирая на оставшиеся семьи, сжигаются, а во второй раз число подлежащих расстрелу заложников увеличивается в несколько раз, подозрительные деревни сжигаются целиком» [14].

Но несмотря на жестокость наказания за проведение диверсий на железной дороге, в течение апреля 1919 г. партизанами было подготовлено и совершено 10 крупных железнодорожных катастроф, не говоря о бесчисленных нападениях на поезда и станции и о разрушении путей. Часто партизаны присылали противнику следующие заявления: «Если будете с нами, мы вам поможем вернуться на родину, если будете против нас, все погибнете в негостеприимной Сибири» [15].

С весны 1919 г. Чехословацкое войско в России оказалось фактически скованным на железнодорожной магистрали между Новониколаевском и Иркутском. Чехословацкие солдаты, только недавно вырвавшиеся из окопов, очутились в огне партизанской войны и были вынуждены исполнять роль карателей, что ускоряло процесс радикализации настроений, углубляло внутривойсковой кризис в чехословацких подразделениях.

Правительство Чехословацкой Республики и командование Чехословацкого войска попытались хотя бы затормозить происходившие негативные процессы, прибегая к мерам материального поощрения. «На оплату ранее произведенных заготовок и на уплату содержания воинских частей» было израсходовано 5 млн руб., отпущенных колчаковским Советом министров 27 ноября 1918 г. [16]. В марте 1919 г., доверенный по делам Чехословацкой Республики для России Б. Павлу обратился с письмом в Министерство иностранных дел Российского правительства с просьбой «позаботиться о правах тех граждан Чехословацкой Республики, которые, будучи уволенными из рядов нашего войска пожелают остаться в России ... и предоставить им право приобретать недвижимое имущество ...» [17]. В июне

1919 г. Совет министров удовлетворил данную просьбу, приняв постановление «О предоставлении гражданам Чехословацкой Республики права на покупку недвижимой собственности» [18].

Союзное командование, руководство войска и колчаковское правительство беспокоили начавшаяся демократизация чехословацкого войска и проникающие в солдатскую среду пессимистические настроения ввиду неясности его дальнейшей судьбы. Обещанная руководством эвакуация откладывалась на неопределенное время. 18 июня 1919 г. управляющий Министерством иностранных дел И.И. Сукин в секретной телеграмме представителю колчаковского правительства в Париже С.Д. Сазонову сообщал: «Чешские войска продолжают держать в неведении о дальнейших задачах и перспективах. Результатом такого положения вещей явилось восстание первой чешской дивизии, расположенной в район Иркутска», которое началось 15 июня 1919 г. [19].

Понимая сложность создавшегося положения на фронте, где колчаковская армия несла большие потери и продолжала отступать под ударами Красной Армии, председатель Совета министров П.В. Вологодский 11 октября предлагал поверенному в делах Чехословацкой Республики «выяснить возможность общего военного сотрудничества для продвижения через запад разработки плана операций путём соглашения между чехословацким и русским командованием». Для достижения данной договоренности чехословацким добровольцам были обещаны «... все преимущества, которыми пользуются добровольцы русские» [20]. Однако ничего уже не могло существенно повлиять на решение правительства Чехословацкой Республики об эвакуации чехословацких частей на родину, которая должна была начаться 18 октября 1919 г.

По мере того, как становилось очевидным крушение режима адмирала Колчака, все более радикализировалась позиция чехословаков по отношению к происходящему. Отныне войско руководствовалось принципом: «Наши интересы – выше всех остальных». Через несколько дней после публикации меморандума от 13 ноября последовал приказ приостановить всякую отpravку эшелонов колчаковской армии и ни в коем случае не пропускать их восточнее ст. Тайга до тех пор, пока не проедут все чехословацкие части.

4 января 1920 г. А.В. Колчак подписал указ о сложении с себя звания Верховного правителя и передаче его генералу А.И. Деникину. С середины января и до первых чисел февраля проходили крупные вооруженные столкновения между чехословаками и частями Красной Армии у Канска и Нижнеудинска. Чехословацкое командование было вынуждено пойти на перемирие с советским командованием после вооруженного столкновения у Нижнеудинска 4 февраля 1920 г., где чехословаки понесли существенные потери.

7 февраля у станции Куйтун было подписано мирное соглашение между чехословацкой делегацией и командованием Красной Армии. В соответствии с договоренностью обе стороны обязались содействовать скорейшему выезду чехословаков на родину.

2 сентября 1920 г. от причала Владивостокского порта отошел морской транспорт, на борту которого находилось последнее подразделение Чехословацкого армейского корпуса, который оказал немаловажное влияние на развитие событий в России, особенно в период Гражданской войны и военной интервенции 1918–1920 гг.

Библиографический список

1. Веселы, И. Чехи и словаки в революционной России 1917–1920 гг. / И. Веселы. – М., 1965. – С. 20.
2. Независимое военное обозрение. – 1998. – 18 дек. – № 048(122).
3. Куделя, И. Зборов: очерк истории чехо-словацкого революционного движения / И. Куделя. – Челябинск, 1918. – С. 1.
4. Куделя, И. Указ. соч. / И. Куделя. – С. 13.
5. Недбайло, Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.): Историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук / Б.Н. Недбайло. – М.: РГБ, 2005. – С. 41.
6. Цветков, В. Мятеж / В. Цветков // Родина. – 2001. – № 6. – С. 57.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 2. Д. 636. Л. 1.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 130. Оп. 2. Д. 636. Л. 33.
9. Плотников, И. Восстание Чехословацкого корпуса / И. Плотников // УрФО. – 2003. – № 6. – С. 46.
10. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 589. Л. 21.
11. См.: Недбайло, Б.Н. Указ. соч. / Б.Н. Недбайло. – С. 135.
12. Союзная интервенция в Сибири 1918–1919 гг. (записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Уорда). – М.; Петроград, 1923. – С. 82.
13. Janin, M. Moje učast na československem boji za svobodu. – Praha. – S. 131–132.
14. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 366. Л. 45.
15. Драгомирецкий, В.С. Чехословаки в России 1914–1920 гг. / В.С. Драгомирецкий. – Париж; Прага, 1928. – С. 94.
16. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 152. Л. 55.
17. Там же. Д. 153. Л. 113.
18. Там же. Д. 178. Л. 53.
19. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 315. Л. 18; Д. 366. Л. 24.
20. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 365. Л. 68–69.

[К содержанию](#)